СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Олег ГОРДЕЕВ

Олег Гордеев

Ветер перемен

«Автор»

2026

Гордеев О. В.

Ветер перемен / О. В. Гордеев — «Автор», 2026

«Ветер перемен» — это пронзительная история о человеческих судьбах, разворачивающаяся на фоне бурных 90-х годов. Жизнь главного героя, Андрея рушится вместе со старым миром: потеря бизнеса, предательство друзей и одиночество в обшарпанной коммуналке приводят его на грань отчаяния. Но именно там он встречает рыжеволосую Валентину — женщину, ставшую для него спасением. Однако прошлое не отпускает героев. В сюжет вплетаются мистика и колдовство: когда на пути любви встает ревность, в ход идут темные силы. Внучка потомственной ведьмы Полина, стремясь вернуть возлюбленного, обращается к запретной магии. Колдовство и смертные грехи сталкиваются с искренними чувствами, заставляя героев пройти через отчаяние, разлуку и смертельную опасность.

© Гордеев О. В., 2026
© Автор, 2026

Олег Гордеев
Ветер перемен

Глава 1

1990-й близился к завершению. Зима медленно вступала в свои права. Покрывала землю тяжелыми хлопьями снега, замораживала оголившиеся деревья холодным дыханием, заставляла прохожих ежится от ветра, задирать воротники, спасаясь от непогоды. Этим декабрьским утром Андрей Евлаков возвращался из военной части под Рязанью на родину в Саратов. Отслужив три года сверхсрочно и получив звание младшего лейтенанта, двадцатитрехлетний паренек вдруг осознал, что военное дело его больше не привлекает. В ту пору пошло шатание в руководящих кругах государства, поползли слухи о возможном смещении генсека. Подобные разговоры уже не раз слышал Андрей и в высших чинах командования.

Отец Андрея, Иван Федорович, писал ему: *«Близятся большие перемены, сынок. Бросай службу, возвращайся скорее домой. Я планирую поехать работать в Германию. У меня уже и место там присмотрено. Квартиру я оставлю тебе. Дам денег, сможешь начать свое дело»*.

Андрей не любил отца, считал его виновным в смерти матери. Из-за него и на сверхсрочную решил остаться. Теперь же все переменилось: спустя годы боль притупилась, а сожительство с отцом уже не грозило.

Первым делом по возвращении Андрей отнес на могилу матери свежих цветов. Потом пришлось налаживать «одичавшие» за пять лет отношения с отцом. Иван Федорович, как и обещал, дал Андрею денег, и молодой человек со свойственной ему быстротой, пустил наличные в оборот. Арендовал у одного пожилого армянина в доме подвальное помещение и устроил там мастерскую по пошиву обуви. Нашелся и поставщик кожи – некая Елена Сахно. Нанятые мастера изготавливали поддельную «адидасовскую» обувь и Андрей сплавлял ее оптовикам. Поначалу «фирмовые» кроссовки были кожаные, хорошего качества, и покупатели были довольны. Но вскоре Андрей Иванович понял, что «так дела не делаются» и перешел на кожзаменитель, параллельно расширив производство пошивом курток и кепок.

Иван Федорович через полгода действительно укатил в Германию, оставив сыну квартиру. Недолго думая, на следующий же день после отъезда отца, Андрей устроил грандиозную вечеринку, пригласив свою девушку Раю и кучу друзей. Новообретенную свободу он щедро оросил шампанским. Гости были в восторге, но в еще большем восторге была Раиса, которую Андрей попросил остаться с ним навсегда. Они стали жить вдвоем, время от времени устраивая встречи для друзей. Жизнь была легкой, веселой и приятной. Так длилось пару лет, пока над богемой не сдвинулись тучи.

Однажды Андрей получил извещение из районного суда. Он мысленно прикинул – что бы это могло быть? Прокрутил в голове все значительные события минувшего месяца. Вроде бы ничего не было. А между тем, кое-что произошло. На позапрошлой неделе, раскричавшись в пьяном споре с одним приятелем, Андрей неосторожно обронил слово о сущности своего процветания. Хвастая предприимчивостью, он хотел поучить друга как надо жить, и проговорился о своем незаконном производстве. Друг оказался завистливым и амбициозным малым, поэтому решил поделиться радостью с компетентными органами. Был совершен рейд уполномоченных на импровизированную обувную фабрику. Партию товара, готовую к отгрузке, конфисковали и представили на суде в качестве вещественного доказательства. Андрею присудили крупный штраф. Настолько крупный что, услышав, поначалу не поверил. Рабочие, что были похитрее, вовремя «рассосались». Но некоторые явились с повинной в расчете на снисхождение. А в результате им тоже присудили штраф, как соучастникам. Так что бывшие сотрудники на Андрея тоже «окрысились».

«Вот идиоты совковые!» – сокрушался Андрей, сидя на скамье зала заседаний, – «Привыкли жить по системе в надежде на доброго дядю».

Но делать было нечего. Чтобы уплатить штраф, неудавшемуся сапожнику, оставшемуся без сапог, пришлось продать все швейное оборудование и двухкомнатную квартиру. Чтобы иметь хоть какую-то крышу над головой, Андрей продал свою «девятку» и стал перебираться в новое жилище.

***

В двухэтажном пригородном доме близ Лейпцига, где жил Иван Федорович, сегодня было тихо и темно. Пожилой мужчина предпочитал проводить выходные в спокойствии и уединении. Его гражданская жена, Анна Миллер, с которой он познакомился по переписке, живя еще в Саратове, по выходным бывала с подругами в клубе рукоделия.

Иван Федерович проснулся позже обычного. Сварил себе кофе и вдруг вспомнил, что вчера еще не забирал почту. Немного погодя, вышел во двор проверить почтовый ящик. Кроме пары счетов, мужчина достал из ящика необычный конверт. Одного взгляда хватило, чтобы определить откуда письмо. На конверте был указан город Саратов, только адрес оказался чужой. Это поначалу слегка озадачило Ивана Федоровича. Он вернулся в дом, зажег бра у кровати и принялся читать.

«Здравствуй отец!

Прежде всего хочу извиниться за долгое молчание. У меня даже оправдания подходящего нет. Но вот решил написать, так как это единственное, что меня теперь может утешить. Письмо от тебя я получил в прошлом месяце. Оно сейчас лежит передо мной. Я рад, что ты нашел работу по специальности. Так и должно было случиться, ведь ты – хороший инженер! Не стану распространяться на счет твоего сожительства с некой фрау Миллер. Ты взрослый человек и можешь распоряжаться собой как захочешь.

Приехать к тебе в настоящее время не могу, но даже если бы мог, то все равно не приехал бы. Мне будет стыдно смотреть тебе в глаза. Причину этого я объясню ниже. А пока что должен сообщить самую неприятную новость. Нашу квартиру, что на Чернышевского, я продал за долги. Теперь живу на Ельшанской, так что письма пиши мне на тот адрес, что указан на конверте. Да, отец, я стал банкротом. А причиной моего банкротства стало судебное дело, связанное, как ты понимаешь, с моим бывшим производством. Вернее, причиной была моя собственная глупость. Я думаю, ты помнишь некоего товарища Павла Кожанова. Он теперь мелким чиновником в горсовете состоит. Так вот, он и был наводчиком, я это точно знаю. Давно его вычислил, хоть он это и отрицает. Да что там говорить, от меня отвернулись все, кто раньше называл своим другом. Панин Олег, всегдашний мой партнер по сбыту суррогата, совсем меня не узнает, будто никогда не был со мной знаком. Лена Сахно тоже поджала хвост. Она мне сказала: «Я не хочу, чтобы мое имя фигурировало в этом деле».

Даже Раечка от меня сбежала, почуяв запах жареного. Я остался совсем один. Теперь живу в коммуналке. Раньше, честное слово, я не верил в то, что в таких постройках можно жить. Теперь я в этом совершенно убедился. Здесь ведь, если не станешь членом одной большой семьи, пиши – пропало. А я не живу, нет, отец, я существую! Здесь мне все противно и гадко. Уже самые физиономии жильцов вызывают во мне отвращение. Некоторых я успел узнать слишком хорошо. Вот, например, ближайший мой сосед, Миша Свистунов, – типичный алкоголик. При каждой встрече просит взаймы денег или закурить. Очень похоже, что за всю свою мерзкую жизнь он не прочитал ни одной книги, хотя работает сторожем в библиотеке. У меня складывается такое впечатление, что здесь пьют абсолютно все. Не проходило и дня, чтобы не устраивалась гулянка. А там, как полагается, и дикий рев и драки и трехэтажный мат. Да вот, к примеру, еще Анжела Серпухова. Грязная бабища, всегда в замызганном халате, растрепанная, со своим трубным голосом. На всю общагу ее слышно. И ведь – дура.

Не в пример ее муж – Борис Николаевич, все время или ест или курит или книгу читает, тихий такой увалень. Есть и старики, доживающие тут свой век. Вот возьмем, к примеру, Бубнова Филарета Иваныча. Пенсионер, любит поиграть в картишки, в домино, почитать газету. Он живет без телевизора, слушает радио. Оно у него не выключается весь день. Есть еще старушка, Устинья Филатовна. Богомолка. Ранним утром начинает громко молиться, все соседи ее слышат. Ветхая старуха, еле ходит, но в церковь никогда не опаздывает.

Много тут молодежи. Эту молодежь я больше всего ненавижу, хоть и сам еще не старик. Рядом, налево, живет Женька Вихлянцев. Лет ему примерно как мне. Хам и паразит необыкновенный. Постоянно приводит домой пацанов и девок, и там они пьют, курят траву, ржут, орут и дерутся. Включают музыку громко, – до полночи невозможно уснуть. А девушка его, Лилия, тощая наркоманка, готовится стать матерью. Я бы не позавидовал ее ребенку.

Но самая видная фигура, «королева» всей коммуналки, это Александра Тихоновна или тетя Саша, как ее тут все называют. Это пожилая, громоздкая женщина, вездесущая и всезнающая. Ни одно дело не обходится без нее. Сплетни – ее призвание, совать нос в чужие дела – ее жизнь. Кажется, она и живет не сама по себе, а чужими жизнями, чужими судьбами, постоянно всем руководя и всех контролируя, как паук, сидящий в углу паутины.

И, черт возьми, постоянно раздражает этот жирный кухонный запах, который напоминает, в какое дерьмо я попал. Наверно, я долго так не выдержу и чего-нибудь с собой сделаю. От тяжелой депрессии я начал пить. Боюсь стать алкоголиком, отец. Напиши мне, поддержи, как сможешь. Я хожу на могилу матери по вечерам и там плачу и разговариваю с ней. Это приносит мне хоть какое-то облегчение. Кажется, я начинаю сходить с ума.

Прощай отец! Не забывай своего непутевого сына. Пиши мне на новый адрес. Бог знает, когда мы теперь свидимся».

***

Всю эту ночь Андрей пролежал, не сомкнув глаз. В голове ворочались горькие думы, мешали уснуть. Подкатывала к горлу обида, большая, всеобъемлющая. Обида на всё и на всех. Тяжелым, потным кулаком душила жалость к себе.

Утром он не захотел вставать, не стал готовить завтрак, а просто продолжал лежать, бесцельно глядя в потолок. В глазах его исчезли всякие признаки мысли. Казалось, он впал в летаргический сон или достиг нирваны. Даже выражение лица сделалось пустым, как у покойника. Дверь была заперта на ключ. Андрей не отзывался на стук, не реагировал на крики. Ничто теперь не могло его потревожить...

Через неделю кто-то вспомнил об Андрее. Послали лазутчика.

Женька Вихлянцев, стоя на карнизе, уцепился за подоконник и заглянул в комнату Андрея. Сквозь грязные стекла он разглядел на кровати неподвижное тело пропавшего.

– Ну что? – крикнул снизу Миша Свистунов.

– Да там он…

– Живой? – высунулась в окно тетя Саша.

– Не знаю я, не шевелится.

– А ты, сынок, в окно постучи.

– На кой хрен! Я ему в дверь сто раз стучал.

– Постучи говорю, рука не отвалится, – настаивала тетя Саша.

– Значит помер, – решил Свистунов и машинально стащил с лысеющей головы кепку.

– С чего бы ему помереть, – протрубила вышедшая во двор Анжела Серпухова, – Молодой еще, вроде, здоровый…

Народ, потревоженный криками, уже собирался у подъезда.

– Это вы его довели, – с содроганием выговорила тетя Саша, все так же нависая над толпой из окна.

– Как же, мы! – огрызнулась Серпиха. – Это вон Женька Вихлянцев.

– Чего? Ты, Желка, за языком-то следи! – возмутился парень и в раздражении забарабанил по стеклу. – Андрюха! А ну вставай, сукин ты сын!

– Наверно, выпил чего-нибудь не того и загнулся, – сообразил Свистунов. – Я вот, однажды было, развел полстакана спирта, а он, зараза, оказался техническим…

– Чего тут думать, дверь надо ломать, – вмешалась Анжела.

– Может лучше… пусть милиция, – предложил Свистунов.

– Еще ментов нам тут не хватало, – заревел сверху Вихлянцев, припоминая початый стакан анаши под кроватью, – сами разберемся.

Стали ломать дверь. Она не поддавалась.

– Женя, фомка нужна, – сказал Свистунов, потирая отбитое плечо.

– У меня нету…

– Сгоняй к Филиппычу, у него, кажется, была.

– Ага, делать мне больше нечего, – возмутился Вихлянцев, однако ж, пошел.

Минут через пять Женька вернулся с арматурной монтировкой. На шум собралась толпа зевак. Стали давать советы.

– Сильнее вбивай, – советовал сзади бритый наголо Филиппыч, пришедший сюда же из интереса. – Зацепил? Отжимай! Вдвоем! И дверь толкай!

– А за взлом ничего не будет? – забеспокоился Борис Серпухов. – Это же взлом!

– Не бойся, Боря, никто ничего не узнает, – процедила Анжела, не глядя на мужа.

Наконец дверь с треском поддалась, растворилась.

Свистунов вошел первым. За ним, пригнувшись и оглядываясь, прошли остальные. С первого взгляда могло показаться, что вы попали в усыпальницу египетского вельможи: на всем лежала пыль. Тут же была и мумия и священные предметы – пустая бутылка из-под вина, засохший кусок сыра, колбасная кожура.

– А–а! Что я говорил! – обрадовался Михаил, указывая на бутылку.

Филиппыч огляделся: «И взять-то нечего... Как мышь церковная».

– Глядите! У него веки дрогнули! – воскликнула рыжеволосая девушка, стоявшая среди прочих зевак.

– А ну, пустите меня! – раздался позади голос тети Саши. Расталкивая толпу мясистыми локтями, она пробиралась к Андрею. Ее опытные пальцы быстро нащупали пульс.

– Как есть живой, – возвестила королева коммуналки. – Миша, позвони в скорую, живо! Надо ему водки капнуть, а то совсем стрясут по дороге, не дотянет. Мотя, сходи, дружок, там у меня заначка за радиатором стоит…

– А–а, теть Саш! – лукаво подмигнул Вихлянцев. – Водчонку затарила, и – ни гу-гу.

– Молчал бы уж! – замахнулась на него тетя Саша.

Принесли водку. Народ с интересом поглядывал на происходящее. Тетя Саша накапала Андрею сквозь сжатые зубы грамм тридцать и сама приложилась.

Андрей резко, с хрипом вздохнул, закашлялся. Но ни рукой, ни ногой он так и не смог пошевелить. Раздались радостные возгласы.

– Ну вот, дружок, так-то лучше! – пробасил Мотя, который вообще-то был женщиной, но об этом мало кто догадывался.

Филиппыч крякнул, забрал монтировку и, что-то бормоча, ушел.

Вскоре приехала скорая. Длинный, редкозубый фельдшер с выкаченными глазами оказался юмористом. Быстро осмотрев Андрея, он сказал:

– Цепляй его за ноги кто-нибудь, а я – за голову, будем выносить.

– Да ты что, сдурел! – надвинулась на него тетя Саша. – Совсем мозги пропил!

– Ладно ладно, уж и пошутить нельзя, – засмеялся медик. – Щас носилки припрут, будем грузить. Выходите все, нечего тут глазеть!

– Смотри, – пригрозила тетя Саша. – Если с ним чего случится!

Фельдшер только смеялся, оскаливая свои редкие желтые зубы.

Спустя полчаса Андрей находился в приемном отделении Саратовской ГКБ №8. Растянувшись на пружинной койке, он медленно восстанавливал силы, всасывая набухшей веной питательную жидкость из змеящейся сверху системы. Дыхание стало явственное и ровное.

Накурившаяся черноволосая медсестра Танюша, опираясь о спинку койки, внимательно следила за выражением лица пациента. Большие и маленькие мускулы на заострившемся лице Андрея вздрагивали, будто кто-то изнутри подергивал их за ниточки.

К полудню Андрей очнулся, огляделся. Глазам стало больно от окружающей белизны. Подумал: «В раю я что ли?». Но вскоре вместо архангела Гавриила явилась все та же медсестра и заставила выпить какую-то мерзкую жидкость. Скоро Андрей понял, что это слабительное.

Ближе к вечеру, когда вдоль улиц зажглись фонари, начал накрапывать мелкий, полный тихой свежести осенний дождь. Он барабанил о подоконник, выводя какой-то невнятный, но приятный своей непредсказуемостью, блюзовый ритм.

Медсестра Танечка последний раз навестила пациента, измерила давление, температуру, велела не вставать и, пожелав спокойной ночи, ушла.

Но долго лежать в одиночестве Андрей устал. Захотелось вдохнуть свежего воздуха, послушать шумы засыпающего города, поэтому он все же встал на ноги и, нетвердо ступая, направился к окну…

Там, за стеклом, где-то в своей черной массе жил муравейник. Вдоль освещенных тротуаров, укрывшись зонтами, торопливо шагали поздние прохожие. Промчалась новенькая «девятка», прорычал маленький злой «жигуленок». Андрей растворил окно. В палату моментально ворвался одичавший осенний ветер. Ухватив парня за шиворот, щедро окатил холодными брызгами дождя. Андрей вздрогнул и рассмеялся. Он еще не мог сформулировать словами свои ощущения, только понял, что ему вновь захотелось жить.

На другой день, как полагается, явились посетители. Это были все те же соседи по коммуналке.

Спозаранку приперся Миша Свистунов. Достал из-под полы бутылку какой-то бодяги, предложил Андрею. Но, сославшись на слабость, Андрей отказался.

Миша глотнул из горл*а* и уставился на больного человечным, чуть ироничным взглядом. Такие глаза у него Андрей видел впервые.

– Ну давай, братец, рассказывай, зачем ты себя уморил? – произнес алкоголик мягким голосом.

Андрей машинально схватил со стола апельсин и с хрустом содрал кожуру.

– Это не важно, Миша. Теперь не важно. Ведь жизнь продолжается...

– Да вроде как… продолжается, – согласился Свистунов с ухмылкой.

– Ну вот… Знаешь, если бы я там помер, ничего бы не изменилось.

– Этот мир не изменит даже сам дьявол, – ответил Михаил.

– Он уже изменил его! – возразил Андрей. – Но я хотел изменить свою жизнь, а не весь мир.

– Ну и как, получается?

– Получается, – твердо заявил Андрей и перевел взгляд на окно. – Ведь жизнь... она не ограничивается четырьмя стенами. Она может быть красивой и яркой, как этот апельсин.

Он с удовольствием вдохнул цитрусовый запах и закрыл глаза.

– Всякое может быть, – отрешенно согласился Свистунов, прикладываясь к бутылке.

К полудню пришли сразу трое: Анжела Серпухова и тетя Саша с Мотей. Все трое принялись кричать и тормошить Андрея. Они были из тех людей, которые живут нынешним днем.

И живут полной жизнью. Когда человек ищет быстрых перемен, он спивается. Обитатели коммуналки не искали перемен. Они просто размерено жили и размеренно пили.

Вся троица была в добром расположении духа. Сказать, что они были выпивши, значит ничего не сказать, так как это был образ их жизни. Правильнее сказать – они были в норме.

– А я утром встал, – декламировал Мотя, который, все же, был женщиной, – и подумал, а как же там Андрюха? Потом мы вместе решили выпить за твое здоровье. Правильно, Желка? Это уж всем известно, если не выпить за здоровье больного, то никакого здоровья ему не видать. Так что ты можешь быть совершенно спокоен. А ты че такой скучный?

– А чему радоваться? – криво ухмыльнулся Андрей.

– Э нет, мальчик, так не пойдет, – возмутилась тетя Саша. – Не для того мы тебя из могилы вытаскивали, чтобы ты тут прокисал. Сейчас мы тебя накормим как следует.

Из обширной вещевой сумки тети Саши одна за другой начали появляться закуски, купленные специально и домашнего приготовления. Под конец появилась бутылка портвейна.

– Хоть этого здесь и не разрешают, – прошептала королева коммуналки, – но Мотя прав, если не выпить, никакого здоровья не будет.

– Спасибо, меня здесь прекрасно кормят. Магнезия – на завтрак, касторка – на ужин, – пошутил Андрей. – Но я вам все равно благодарен. Послушайте, мне все это одному не съесть. Вы должны помочь.

В конце концов все вместе выпили и закусили. Завязалась беседа. Андрей и сам не заметил, как втянулся в разговор. О чем говорили, он не помнил, но после ухода трех захмелевших фей, он почувствовал себя счастливым. Ворочаясь в кровати от пьяных мыслей, он скоро уснул.

Осенний день был на редкость ветреным. Под натиском стихии дрожали и позвякивали стекла в рамах палаты. Отрываясь по одному, с деревьев осыпались первые листья. Осень вступала в свои права. В такую погоду хорошо спать, что Андрей и делал, набираясь сил.

Он проспал до половины седьмого. В палатах уже зажгли свет. Вскоре явилась медсестра, измерила давление и сказала, что к нему пришла какая-то девушка.

– В самом деле? – машинально бросил Андрей, а сам подумал: «Неужели Раечка решила вернуться? Так пусть катится ко всем чертям!»

– У тебя давление повышено, – сказала Татьяна, потянув носом воздух. – Что вы тут пили?

– Ничего, – отмахнулся Андрей.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, прекрасно.

– А как на счет этой?..

Андрей ерошил волосы, соображая. Потом сказал:

– Ладно, пусть зайдет.

Через минуту вошла девушка. Но это была не Раечка. Андрей в недоумении уставился на рыжеволосую гостью. Кто бы это могла быть? Черты ее лица подсказывали Андрею, что он ее где-то видел, и не раз. Но где?

– Здравствуйте! – сказала она, улыбнувшись. – Вы меня помните? Я Валя Луговая, ваша соседка с первого этажа.

Тут Андрея осенило: ну конечно! Странно, что он не вспомнил сразу. Сколько раз она встречалась на лестничной площадке. Но он не обращал на нее внимания, как, впрочем, и на остальных обитателей коммуналки. Просто один из ничего не значащих эпизодов жизни.

– Ах да, конечно, – улыбнулся Андрей в ответ. – Похоже, что-то с памятью моей случилось. Наверно мозги совсем усохли. С вами рядом еще художница живет, как ее…

– Самохина Наталья Сергеевна, – помогла Валя.

– Да-да, она еще курит все время какие-то длинные сигареты.

– Точно. Странная женщина. Кстати, я тут вам принесла пару пачек, – сказала Валентина, доставая из сумочки сигареты. – Можно я сяду?

– Да, конечно, – виновато улыбнулся Андрей, подвигая стул. Сунув сигареты под матрас, сказал: – Мне не разрешают курить, но все равно, спасибо.

– Да, я знаю, – усмехнулась Валентина. – Вот зажигалка.

«А она не лишена чувства юмора», – отметил про себя Андрей.

– Вы такой худой и бледный. Вы сегодня что-нибудь ели?

– Да, пожалуй, сегодня я съел гораздо больше, чем положено. Наши сожительницы обо всем позаботились. А давайте перейдем на «ты», хорошо?

– Я не против, – согласилась Валя. – Знаешь, я обратила на тебя внимание сразу, как ты появился у нас в общежитии. Ты не похож на других.

– Почему?

– Сразу видно, что ты человек не нашего круга.

– Что это значит? – не понял Андрей.

– Ну… обычно в коммуналку попадают нищие студенты, молодожены или просто спившиеся люди. Ты не похож на них.

– Да, действительно, – грустно усмехнулся Андрей. – Скорее я похож на дурака. У меня было налажено прибыльное дело, но я сам его погубил.

– Расскажи мне об этом, – предложила Валентина и придвинулась ближе к изголовью. – Я люблю слушать всякие истории.

Андрей вздохнул и начал рассказывать, как все было. Иногда в продолжение рассказа он останавливался, устремив взгляд в одну точку, переживая прошлые события заново. Поэтому Валентине приходилось стимулировать его на продолжение. Потом она коротко рассказала о своей жизни. Валя родилась в селе Усть-Курдюм, неподалеку от Саратова. Отец умер, когда ей было шесть. Она жила с матерью до шестнадцати лет, а потом приехала в город искать своего счастья. Устроилась на швейную фабрику, где работает до сих пор. Три года была замужем. Развелась из-за того, что муж все деньги проигрывал в карты.

– Ты сейчас с работы? – предположил Андрей.

– Да, и решила тебя навестить. В общежитии теперь все только о тебе и говорят. Кстати, ты говорил, что учился на бухгалтера?

– Учился, еще до армии. У меня где-то диплом лежит.

– Если хочешь, могу попросить за тебя на работе.

– В самом деле? – оживился Андрей.

– Да, у нас на фабрике освободилось место помощника бухгалтера. Зарплата, конечно, небольшая, но, все же, лучше, чем ничего. Верно?

Андрей призадумался: «Терять ему сейчас нечего, а жить на что-то надо».

– Ладно, – сказал он, – я подумаю над этим. Не знаю, смогу ли. Давно дело было.

– Вот и хорошо. Я зайду к тебе завтра и ты мне скажешь, что надумал. А сейчас мне пора!

И она ушла. Странная рыжеволосая девушка, на которую он никогда не обращал внимания.

Как ни был взбудоражен мозг Андрея событиями минувшего дня, усталость взяла свое. Вскоре он заснул глубоким, счастливым сном. Несмотря на то, что потерял абсолютно все, Андрей ни разу за весь день не вспомнил об этом и просто продолжал жить. А эти, еще недавно казавшиеся ему гадкими люди, теперь виделись совершенно иначе. Он чувствовал ветер перемен, а перемены – хорошие или плохие, так или иначе, выводят человека из ступора, заставляют что-то предпринять. Поэтому, когда на следующий день явилась Валентина, Андрей сказал ей, что согласен на предложение и готов приступить к работе сразу по выписке.

Прошло еще три дня, прежде чем Андрей смог вернуться домой. Посвежевший и отдохнувший, он с радостью принялся за уборку холостяцкого жилища. А комната и впрямь каза-

лась заброшенной. Грязные стекла в окнах, слой пыли абсолютно на всем, разбросанные как попало вещи могли привести в изумление случайно зашедшего сюда человека.

Андрей прекрасно понимал, что ровным счетом ничего вокруг не изменилось. Зато изменился он сам. Выметая и выскребая из углов грязь, он как бы очищал себя самого, считая, что с ним произошло невероятное чудо.

Валентина стала для Андрея ближайшим другом и собеседником на долгие осенние вечера. Утром они вместе шли на работу, вечер проводили в его или ее комнате, смотрели телевизор, разговаривали, читали друг другу книги. Это был их маленький рай. Андрей и Валентина понимали, что влюблены друг в друга, но пока не предпринимали никаких серьезных шагов, не связывали друг друга никакими обязательствами. Они наслаждались этой чистой, невинной близостью. Так проходили дни и недели. Приближалась зима.

Однажды, ранним ноябрьским утром, Андрей проснулся и по привычке прошлепал к окну, раздвинул занавесь. В глаза бросился яркий, до боли, свет. Немного привыкнув, он разглядел, что весь двор и голые ветви деревьев покрыты пушистым снежком. Этим открытием Андрей поспешил поделиться со своей подругой. Валя сказала:

– Первый снег всегда напоминает мне детство. Когда я была маленькой, это событие неизменно приводило меня в восторг. Я тогда целый день не уходила со двора. Порой его наваливало так много, что мы с мамой с трудом прокладывали дорогу к колодцу. Я лепила маленьких снеговиков, а соседские мальчишки обстреливали их снежками. Помню, что я всегда плакала.

– Но, все же, ты была счастлива? – вставил Андрей.

– Конечно, для меня это был праздник.

Рабочий день прошел как обычно. В обеденный перерыв Андрей подумал: «А почему бы нам…», и вечером пригласил Валю в ресторан. Домой они вернулись поздно. Оба были навеселе. Мир, окутанный тьмой, будто стал другим. Почти вся коммуналка погрузилась в сон и сейчас не казалась такой страшной. Простившись, они разошлись по своим комнатам. Время близилось к полуночи. За окном опять пошел снег, поднялся порывистый ветер. Он швырял в окно слипшиеся хлопья снега, шумел в костлявых кронах деревьев.

Прильнув к стеклу, Андрей наблюдал разбушевавшуюся стихию. Нечто подобное сейчас происходило в его душе. Их платоническая любовь была прекрасна и Андрей дорожил этим чувством. Валя казалась невинным ребенком несмотря на то, что уже была замужем. Но также он прекрасно понимал, что так не может длиться вечно, ведь отношения мужчины и женщины держатся на других вещах. Это он осознал, а точнее почувствовал, сейчас, когда они с Валей были максимально близки, когда возбужденный мозг кипел после романтического вечера, а чувства подогревались изнутри алкоголем. Но как ему быть? Как разрешить себе прикоснуться ней? К этому ангелу без крыльев, который так внезапно ворвался в его жизнь.

Его беспокойные мысли прервал еле слышный, короткий стук в дверь. Андрей машинально подошел и отворил. На пороге стояла Валя. Она была в ночной сорочке и с зажженной свечой в руке.

От неожиданности у Андрея перепутались все мысли. Он ничего не мог понять. Сердце в груди билось как птенец.

Приложив к губам палец и, воровато оглянувшись, Валя прошептала:

– Андрей, ты хочешь меня?

Глава 2

Это была последняя капля. Андрей почувствовал, как где-то в середине живота возникла дрожь, раскатилась по всему телу упругой волной, горячей кровью ударила в лицо.

– Я... уже давно тебя хочу, – ответил он внезапно осипшим голосом и привлек ее к себе. В следующий момент его губы страстно впились в ее рот, а ладонь, пройдясь по спине, скользнула

между ягодиц. Задыхаясь от страсти, Валентина обхватила ладонями голову Андрея и, едва прервав поцелуй, выговорила:

– Люби меня нежно, ладно?

– Я буду нежен, – улыбнувшись, ответил Андрей, закрыл дверь и стал стаскивать с нее одежду.

Потухшая свеча выпала из рук Валентины. Но она уже не понадобилась. Свет от уличных фонарей, проникавший сквозь стекла, позволял им видеть друг друга, срывать остатки одежды, ласкать молодые обнаженные тела. Исполненные страсти, влюбленные касались тех мест, о которых не смели подумать еще минуту назад, страстно впивались в губы партнера. Сердце Вали бешено колотилось, когда Андрей, подхватив ее за бедра, отнес на кровать.

– Давай! – страстно прошептала Валя Андрею на ухо, когда тот оказался сверху.

В следующее мгновение тела влюбленных соединились и Андрей с упоением погрузился в горячее женское чудо. Он наслаждался юным телом своей подруги, ласкал ее бедра, ягодицы, грудь. Тьма скрывала первобытный стыд и позволяла делать то, чего нельзя делать на свету.

Андрей не заметил, как по лицу Вали скатилась слезинка. Внутри она одновременно плакала и смеялась – так давно у нее не было секса.

Эта ночь сделала их еще ближе. Теперь они не расставались никогда. Население коммуналки это понимало и всячески поддерживало молодых.

«Ты мой ангел, – говорил Андрей подруге, – ты вернула меня к жизни».

И это было действительно так. Все эти дни Андрей жил как во сне. Но ему суждено было проснуться. В середине декабря из Германии пришло извещение. В нем говорилось о скоропостижной смерти отца. После прочтения Андрей в отчаянии швырнул извещение в стену. Согнувшись пополам, он упал на диван. Первый раз в жизни ему стало жалко отца.

Валя искренне сочувствовала. Ведь она потеряла своего отца еще в раннем детстве.

Вытерев влажные ресницы, Андрей посмотрел в окно. Там снова шел снег. Валя сидела рядом, положив ладонь ему на плечо.

– Господи, как же я был жесток! – всхлипывая, выдавил из себя Андрей. – Я даже не успел сказать ему доброго слова, Валь, знаешь, я всегда был таким эгоистом…

– Ну что ты, Андрюша!

– Да, я был эгоистичной дрянью, никогда не жалел отца, не понимал его чувств.

– Не надо, – тихо сказала Валя и тоже посмотрела в окно, потом на часы – было половина двенадцатого. – Постарайся уснуть, ладно?

Утро пришло тихо и сумрачно. Снега не было. Все небо затянуло серой пеленой. Упругий ветер толкался в окно, позванивая стеклами. Было еще очень рано.

Андрей открыл глаза, ощущая на щеке приятное тепло. Валя спала рядом, склонив голову ему на грудь. В полутьме очертания предметов были размытыми. Как будто весь мир перекрасили в серые тона, отняли былую яркость. Беззвучно Андрей вылез из-под одеяла, не спеша оделся, сунул в карман сигареты и вышел из дома.

Коммуналка еще спала и, казалось, весь город спит беспробудным сном. Даже слепой дождик, моросящий мелкой пыльцой, был под стать настроению Андрея. Он медленно двигался вдоль улиц, отвернув воротник плаща, закрываясь от непогоды и прохожих, которых старался обходить стороной. Андрею хотелось побыть одному. Чтобы никто не видел его слез, не пытался заговорить с ним. Как-то само собой получилось, что ноги привели его на кладбище, где была похоронена мать. Слишком хорошо запомнил Андрей эту дорогу, когда приходил сюда вечерами, полный тяжелых дум о собственной жизни.

Неподалеку, за калиткой, с намокшего креста метнулась ворона, хлопая тяжелыми крыльями, скрылась в тумане.

Андрей быстро отыскал полузасыпанную могилу матери, смахнул со скамеечки снег и, присев на краю, закурил. Он долго сидел молча, глядя на выцветшую фотографию. Казалось, мама была жива. Нежным взглядом она смотрела на Андрея – такая родная и близкая, она будто находилась рядом, всегда готовая выслушать и утешить свое чадо.

– Знаешь мама, – вымолвил Андрей негромко, – папа умер. Я теперь совсем один остался. Правда, у меня есть Валя… Я тебе о ней рассказывал. Она очень хорошая. Она любит меня бескорыстно, как ты любила.

Андрей немного помолчал.

– Мам, ты на отца не сердись. Он был не таким уж плохим, просто, мы очень мало с ним говорили. Мы, мужики, такие глупые, – не понимаем, что любим, пока не потеряем. Если ты его встретишь там, на небе, ты передай ему мои слова…

Было уже около десяти утра, когда Андрей вернулся домой. Валя его встретила у порога:

– Где ты был, Андрюша? Я тебя везде ищу.

– Прости, я хотел побыть один, – ответил Андрей.

– Ты есть будешь?

– Нет, что-то не хочется.

– Может, хоть чаю попьешь?

Андрей присел на табурет. Немного погодя ответил:

– Чаю – можно.

Валя достала из шкафа посуду. Наливая чай, сказала между прочим:

– Телеграмму принесли. Я за тебя расписалась.

– Да? – Андрей привстал. – И что в ней?

– Не знаю, не читала. Это ведь тебе… Вон там, на столе.

Андрей прошлепал к столу, развернул телеграмму и стал разбирать написанное.

– Что там такое? – поинтересовалась Валя.

– Тут говорится, что отец перед смертью перевел часть своих сбережений мне на счет. И подпись – Анна Миллер

– Прикольно! А кто такая Анна Миллер? – отозвалась Валентина.

– Вторая жена моего отца. Гражданская. Ну что ж, – ответил Андрей, глядя на телеграмму. – Отец и после смерти заботится обо мне. Похоже, я теперь с деньгами?!

– Похоже на то.

– Так я пойду узнаю! Где моя сберкнижка? – заторопился Андрей.

– Да успеешь еще. Сядь хоть чаю попей, Рокфеллер!

Деньги, оставшиеся от отца, пришлись как нельзя кстати. Андрей подсчитал, что если продать комнату в коммуналке, вместе с наследством хватит на квартиру и даже еще останется. Так что, недолго думая, он дал объявление о продаже своего обиталища.

Узнав об этом, Валя спросила:

– Значит, уезжаешь?

– Ну да. Не век же тут пропадать.

Но, заметив помрачневшее лицо подруги, добавил:

– А ты чего такая грустная?

– Да ничего… – отвернулась Валя. – Просто я думала, что мы… что у нас…

– Ну что ты, Валь, неужели ты думаешь, я тебя брошу?

Валентина не отвечала. Скрестив руки на груди, она глядела в окно. Андрей вдруг замялся, стал расхаживать по комнате, почесывая затылок. Видно было, что он решается на что-то важное. Потом вдруг выдал:

– Ладно, хотел в более подходящей обстановке… но, видно, придется сейчас.

– Что? – не поняла Валентина.

– Знаешь что, Валь, выходи за меня замуж! – выговорил Андрей и слегка покраснел при этом.

– Что ты сказал? – еще больше удивилась Валентина?

– Я говорю... выходи за меня.

– Замуж? – улыбнулась Валя. – Так это что, предложение?

– Ну да, – с облегчением выговорил Андрей и тоже улыбнулся. – Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я об этом много думал…

– И что же ты надумал?

– Я думаю, у нас все будет хорошо.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответила Валя и крепко обняла Андрея.

– Значит, ты согласна? – обрадовался Андрей.

– Ну конечно, с радостью!

Свадьбу назначили на конец марта. А пока влюбленные решили засучить рукава и заняться делом. Уже через неделю на комнату в коммуналке нашелся покупатель и Валя с Андреем перебрались в более просторное жилье: трехкомнатную квартиру в центре Саратова. Андрей часто потом с благодарностью вспоминал отца, его молчаливую заботу.

На свадьбу были приглашены друзья детства Андрея. Позвали также королеву коммуналки Александру Тихоновну, Мотю и еще нескольких старых знакомых. Приехала из села мама Валентины – Дарья Никитична. Андрей раньше на встречался с мамой Валентины, т.к. она ездила в родительский дом одна. При первом взгляде Андрей заметил сильное сходство матери с дочерью: такие же серо-голубые глаза, удивленные дуги бровей и улыбка, легкая, немного рассеянная, со смешным прищуром глаз.

В самый разгар веселья, когда Валя общалась в стороне с подружками, Дарья Никитична подсела к Андрею.

– Хочу с тобой выпить, милый зять, – молвила она. – Бери бокал!

– С превеликим удовольствием, – улыбнулся Андрей.

Выпили.

– А знаешь, Андрюша, – сказала Дарья Никитична. – Валя ведь без отца росла.

Мама Валентины уже порядком захмелела.

– Некому было за нее заступиться.

– Знаю, мама, знаю. Валя рассказывала.

– И все сама, везде сама. Пробивалась… Ей никто не помогал.

– Да, мама, Валя такая, – Андрей иронично улыбался, глядя на захмелевшую тещу.

– А теперь ты у нее есть, – продолжала Дарья Никитична. – Так ты ж смотри… береги ее.

Андрей ничего не ответил. Выпив остатки вина из бокала, рассеянным взглядом смотрел на веселящуюся толпу. На лице его застыла легкая улыбка. О чем он сейчас думал? Может думал о Вале, а может вспоминал об отце? Теща тоже замолчала, вытерла салфеткой уголки губ.

– Одна она у меня, – выговорила он наконец.

И долго сидела за столом, глядя в пустоту, будто что-то вспоминая. Потом сказала:

– Айда танцевать! Небось не скоро еще придется так повеселиться.

И потащила Андрея за рукав в толпу гостей.

Валя глянула на танцующего мужа – расхохоталась. Повеселел и Андрей.

Кто-то стал подначивать:

– А ну, Андрюша, давай вприсядку! Покажи молодецкую удаль!

Андрей сроду не танцевал, застенчив был на это дело. Но теперь разошелся, закрутился и – давай подпрыгивать. Гости хлопали в ладоши. У Андрея в глазах только мелькали огоньки.

Все куда-то поплыло и смешалось, превратившись в одну сверкающую массу. Остаток вечера Андрей запомнил плохо…

Наутро, как полагается, болела голова и подташнивало. Валя крепко спала. Андрей не стал ее будить. Оделся и пошел прогуляться по улицам. Опохмелившись в полупустом баре, побрел дальше, довольно улыбаясь себе и солнцу в утреннем небе. Андрей не заметил как подошел к дверям бывшей своей мастерской. Дверь была заколочена и давно уже ржавел на петлях огромный навесной замок. Андрей остановился. Невольно в голове стали всплывать воспоминания. Он хорошо знал владельца подвального помещения. И, похоже было, что с момента закрытия производства оно больше никому не сдавалось, хотя прошло уже порядочно времени. На стене рядом висело старое, выцветшее объявление «Сдается помещение». Андрей сорвал его и сунул в карман.

Вернувшись домой, застал жену за завтраком.

– Привет, – улыбнулась Валя. – Ты где был? Просыпаюсь, а тебя нету. Ну, думаю, сбежал жених.

Андрей тоже улыбнулся.

– Вышел подышать… Башка трещит после вчерашнего.

– Сядь поешь, – предложила Валя. – После застолья куча еды осталась.

Андрей не стал отказываться, так как успел проголодаться. Сел за стол и, вспомнив про объявление, достал из кармана скомканную бумажку.

– Это что? – спросила Валентина.

– Объявление, – отозвался Андрей, набрасываясь на завтрак. – Помнишь, я тебе рассказывал, что у меня была подпольная мастерская?

– Ну да…

– Так вот, как раз в этом помещении.

Валя вертела в руках смятый клочок бумаги с выцветшими буквами.

– И что ты думаешь?

– Думаю, не начать ли все заново, – ответил Андрей.

– Что, опять? – всплеснула руками Валя.

– Ну да, только в этот раз легально.

Супруга усмехнулась:

– Ты забыл в какой стране живешь...

– Да да, я знаю, – перебил Андрей и начал загибать пальцы, – налоговая, пожарники, санэпидем, аренда, зарплата, рэкет, миллион справок и все же…

– Что?

– Все же, это мое. Я по жизни предприниматель. Мне нельзя без дела.

Андрей жевал бутерброд, глядя в окно. В глазах его загорелся огонек.

– Что ты об этом думаешь, Валь?

– Ну… если ты находишь в себе силы, то я обеими руками «за», – ответила Валентина.

– Тогда решено, – отрезал Андрей. – Сегодня же позвоню Левону.

– Кому? – не поняла Валя.

– Левончику Аванесяну, владельцу помещения, – уточнил Андрей.

И сделал как обещал. Помещение вновь было арендовано и приведено в надлежащий вид. Техническая сторона дела Андрею была хорошо знакома, поэтому он взялся за работу с азартом опытного игрока. Были наняты рабочие, найдены новые поставщики материалов и покупатели. В то же время Андрей придумал собственную марку, «Евлаковская обувь». Клеймо фирмы гордо красовалось на каждом изготовленном ботинке. В придачу к обуви рабочие шили жилеты, фуражки, перчатки, а лучшие мастера выполняли работу на заказ. Дело шло в гору. Деньги, подаренные на свадьбу, успели окупиться несколько раз.

Однажды Андрей заявил жене:

– Бросай свою работу. Я уже не справляюсь один. Помощник мне нужен.

Валя согласилась:

– И то правда, зачем людей нанимать, если и сами с усами.

И стала заниматься делами производства. Обзванивала оптовиков, сама выбирала материал, следила за качеством продукции. Опыт работы на швейной фабрике оказался как нельзя кстати.

Летом Валя решила навестить маму и поехала в село на пару недель. Андрей обещал, что через несколько дней тоже приедет, как только разберется с делами производства. Так он и собирался сделать, но…

Однажды вечером, когда Андрей, сидя дома, проводил производственные расчеты, в дверь неожиданно позвонили. Андрей удивился, поскольку никого сегодня не ждал. «Неужели Валя вернулась?» – подумал он и прошлепал к двери. А когда открыл, увидел на пороге мужчину. На вид ему было лет сорок, высокий, бородатый. На Андрея он сразу произвел сильное впечатление. Черные глаза словно горели под кустистыми бровями. Человек выглядел несколько сурово, но было в нем какое-то своеобразное, притягательное обаяние. От одежды мужчины исходил приятный сладковатый запах. Андрею этот запах показался знакомым, но он не сразу понял, что это такое.

– Здравствуйте, молодой человек! Меня зовут Дмитрий. Разрешите узнать ваше имя? – начал бородатый мягким, но уверенным голосом.

От неожиданности Андрей слегка растерялся.

– Андрей, – машинально ответил он. – Чем обязан?

– Очень приятно, Андрей, – улыбнулся Дмитрий и продолжал, – разрешите узнать, как вы относитесь к Священному Писанию?

– Что? – не понял Андрей?

– Библия. Вы когда-нибудь читали Библию?

– А–а, Библию… – начал соображать Андрей, – Библию я читал … давно…

А про себя подумал: «сектант». Андрей всегда с брезгливостью относился ко всякого рода «просветленным» личностям. Но этот странный посетитель вызвал у него интерес. К тому же, Андрею было скучно одному в пустом доме и он решил развлечь себя разговором с этим странным человеком. Недолго думая, совершенно не в тему, он бесцеремонно ткнул в миссионера пальцем и спросил:

– Может чайку?

– Не откажусь, - расплылся в улыбке мужчина.

Недолго думая, Андрей пригласил позднего посетителя пройти в дом и усадил его в кресло. Затем моментально соорудил столик с чаем. Пришелец добродушно глядел на хозяина, помешивая чай в фарфоровой чашке. За окном внезапно пошел дождь. Ветер шумел листвой тополей. Уютная обстановка способствовала приятному разговору.

– Так вот, Андрей, – внушительно – произнес Дмитрий, кладя на столик ложечку. – Я вижу, вы человек пытливого ума, ищущий истины. С вами я хочу поделиться великой радостью, которая не убудет, если станет проповедоваться всюду, а только увеличится.

– Вы о втором пришествии? – осведомился Андрей.

– Я хочу вам рассказать о спасении вашей души, о том, какое прекрасное будущее всем нам уготовано. Позвольте узнать, Андрей, вы когда-нибудь задумывались о том, для чего живете?

Андрей, усмехнувшись, потирал подбородок. Что и говорить, таким вопросом ему не приходилось задаваться. Однако, решил подыграть миссионеру, чтобы поддержать разговор.

– Нет, не задумывался, – ответил он, – но ваш ответ я предвижу.

– И что же вы думаете? – улыбнулся бородатый.

– Вы скажете, что смысл жизни – в служении Богу.

– Совершенно верно, – согласился Дмитрий, – но служение это не должно быть слепым. Только истинная любовь к Создателю и ближнему своему есть показатель настоящей веры. А любви нужно учиться…

– Но как же научиться любить? – вставил Андрей. – По-моему это должно прийти само собой. Нельзя научиться любить.

– Где-то вы правы, – продолжал Дмитрий, поглаживая бороду. – Но ведь если вы считаете, что любите человека, то любите его за что-то, не так ли?

– Думаю, да, – кивнул Андрей.

– Тогда за что вы можете любить Бога?

Андрей машинально почесывал затылок:

– Ну…

– Ну вот смотрите, – перебил его Дмитрий. – Господь дал вам землю, дал воздух, дал пропитание и одежду, работу и друзей, любимую супругу, возможность общения. И самое главное – Он дал вам жизнь. Разве этого недостаточно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.